

УДК 94 (571.150)

ББК 63.3 (2Рос-4Алт-6Г) 6–21

**Механизмы включения Горного Алтая
в земельную политику государства
и Кабинета в начале XX в.***

П.А. Афанасьев¹, К.А. Пожарская², В.Н. Разгон²

¹ Алтайская государственная педагогическая академия
(Барнаул, Россия)

² Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

**Mechanisms of Including Mountain Altai
in the State and Cabinet Land Policy
in the Early 20th Century**

P.A. Afanasiev¹, K.A. Pozharskaya², V.N. Razgon²

¹ Altai State Pedagogical Academy (Barnaul, Russia)

² Altai State University (Barnaul, Russia)

Характеризуется процесс вовлечения локальной территории Горного Алтая в орбиту земельной политики государства и Кабинета в начале XX в. Вплоть до 1908 г. у Кабинета отсутствовала четкая стратегия в отношении пространств Горного Алтая. Авторы показывают, что эта территория первоначально заинтересовала Переселенческое управление как потенциальный источник земель для колонизации. Хотя Кабинет в 1908 г. не санкционировал включение Горного Алтая в колонизационный фонд, Переселенческое управление начало обследовать эти территории. Авторы доказывают, что согласие Кабинета в 1909 г. на передаче Переселенческому управлению землеустройства и колонизации Горного Алтая логически завершало предшествовавшее невнимание ведомства к локальной территории. С конца 1909 г., после выявленных нарушений хозяйственных интересов Кабинета в ходе отвода земель под переселения, Горный Алтай стал интересовать руководителей ведомства как район вероятного повторения подобных конфликтов. В этой обстановке Кабинет предпринял ряд мер, которые фактически свели на нет разрешение, данное в 1909 г., закрепил за собой прерогативу реализации земельной политики в Горном Алтае. Доказывается, что в развернувшейся борьбе государства и ведомства обе стороны использовали одинаковые механизмы: исследование территории специальными экспедициями и бюрократическое взаимодействие управляющих структур. Действия Кабинета в отношении Горного Алтая в 1908–1910 гг. демонстрируют эволюцию использования одинаковых механизмов, в зависимо-

The article is devoted to the characteristic of process of involvement of Mountain Altai local territory in an orbit of land policy of the state and the Cabinet at the beginning of the XX century. The authors show that this territory originally interested the Department for Migration Affairs as a potential source of lands for colonization. Although in 1908 the Cabinet didn't authorize the inclusion of Mountain Altai in the colonization fund, the Department for Migration Affairs started surveying those territories. The authors provide evidence that the Cabinet authorization in 1909 to transfer Mountain Altai land management and colonization responsibilities to the Department for Migration Affairs was the logical result of the Cabinet attitude to the local territory. After the violations of economic interests of the Cabinet during allocation of land for resettlement were revealed the Cabinet showed greater concern about Mountain Altai as the area of probable repetition of similar conflicts. Under the circumstances the Cabinet undertook a number of measures which actually nullified the permission given in 1909, having secured a preference of land policy implementation in Mountain Altai. The authors claim that in the developed struggle of the state and the Department both parties used identical approaches — territory exploration by special expeditions and bureaucratic interaction of governing structures. The Cabinet policy in Mountain Altai between 1908 and 1910 demonstrates the development of similar strategies (depending on the circumstances) ranging from transferring the lands into colonization fund (with several exceptions) of the Department of Migration Affairs to

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ и Алтайского края, проект № 13-11-22007a(p).

сти от ситуации прошедших от полного разрешения через пробуксовку частных случаев передачи земельного фонда Переселенческому управлению к закреплению за Кабинетом права на осуществление землеустроительных мероприятий в Горном Алтае.

Ключевые слова: Кабинет его императорского величества, Алтайский округ, Горный Алтай, переселения на Алтай, землеустройство, Е. Н. Волков, В. П. Михайлов.

DOI 10.14258/izvasu(2014)4.2-01

В ходе Первой русской революции Алтайский округ ведомства Кабинета Его Императорского Величества (далее — Кабинет) оказался в центре активизации интересов как государства, так и коронного ведомства. Государство было заинтересовано в земельных пространствах Алтая, способных принять растущий поток переселенцев в Сибирь. Министерство императорского двора и Кабинет в условиях фиксации с 1906 г. суммы государственного содержания ведомства нуждались в поднятии доходности своего крупнейшего хозяйственного объекта, каковым был Алтайский округ. Поэтому неслучайно, что после 1906–1907 гг. земельная политика в кабинетском регионе Западной Сибири стала одним из приоритетных направлений, нередко приобретая обостренные формы.

Советские историки (Г. П. Жидков, Л. Ф. Скляр, А. А. Храмов и др.), как правило, освещали эти аспекты в отношении землеустроительной реформы или землеотвода под колонизацию, подчеркивая «жадность» Кабинета в передаче земель населению [1, с. 194–220; 2, с. 15–23]. Активизировавшееся в последние годы изучение кабинетского хозяйства на Алтае позволило не только выделить динамику ведомственных интересов и целей в регионе [3; 4, с. 216–243], но и выявить этапы в государственной и ведомственной деятельности в области землеотвода [5], а также рассмотреть антикабинетскую борьбу в прессе, окончившуюся победой бюрократических механизмов Кабинета [6]. Однако все эти исследования оперируют преимущественно обобщенными данными по округу, не пытаясь проследить выделенные тенденции на примере конкретных локальных территорий округа. Между тем в пределах владений Кабинета выделялся самостоятельный регион — Горный Алтай, имевший свою специфику в реализации государственной и ведомственной земельной политики. Немногочисленные исследователи этого аспекта раскрыли ход землеустройства и хозяйственное развитие алтайских «инородцев», рассматривая эти процессы через призму ограбления коренного населения (Г. А. Елбачева, Л. И. Шерстова). Однако в политике Кабинета Горный Алтай приобрел замет-

conferring the right of land management on Mount Altai to the Cabinet.

Key words: the Cabinet of His Imperial Majesty, the Altai district, Mountain Altai, resettlement to Altai, land management, E. N. Volkov, V. P. Mikhailov.

ную роль только с 1911 г. после начала в нем процесса землеустройства. Поэтому в настоящей статье предпринимается попытка охарактеризовать механизмы и процесс включения специфического региона в общую земельно-хозяйственную политику Кабинета в Алтайском округе.

К началу XX в. огромные пространства Горного Алтая, лишь эпизодически затронутые крестьянской колонизацией, явились объектом пристального внимания со стороны как государства, так и Кабинета. Государственный интерес к этой части ведомственного округа усилился в период реализации Столыпинской аграрной реформы и был обусловлен необходимостью изыскания огромных массивов земель для скорейшего устройства значительного числа переселенцев, прибывших на Алтай и ожидавших наделения землей. Со всей отчетливостью повышенное внимание к Горному Алтаю со стороны государственных структур в лице Переселенческого управления и его местных учреждений обозначилось с 1909 г. и было связано с изменением состава в фонде передаваемых под колонизацию земель Кабинета. К 1909 г. оброчные статьи Алтайского округа, характеризовавшиеся высоким качеством подготовки участков, уже были использованы под колонизацию. Одновременно сократились доля и размеры их передачи со стороны Кабинета. Им на смену пришли отрезки от землеустройства, не составлявшие единого массива земель и поэтому не позволявшие развернуть масштабные колонизационные работы [5, с. 81, 85]. В этих условиях местная переселенческая организация, использовавшая в 1907–1909 гг. в колонизационных целях степные равнинные районы округа, обратила внимание на земельный потенциал Горного Алтая, дававший возможность продолжить деятельность на обширных массивах земель.

Кабинет и его алтайские чины некоторое время не проявляли особого внимания к территориям Горного Алтая, заселенным преимущественно инородческим населением. Наиболее ярко это подтверждало решение, принятое в мае 1904 г., согласно которому Кабинет откладывал проведение землеустройства инородческого населения в Горном Алтае на неопре-

деленный срок. Отсутствие стратегии развития локальной территории в пределах округа, невнимание руководителей Кабинета к механизмам его интеграции в общеокружную систему земельно-лесного хозяйства являлись важнейшими характеристиками политики ведомства в отношении Горного Алтая в первое десятилетие XX в. Даже комплексная ревизия Алтайского округа Е. Н. Волковым в 1907 г. при ее исключительном внимании ко всем сторонам жизни региона никак не затронула Горный Алтай, подтверждая отсутствие в его отношении какой-либо стратегии [7].

Очевидно, Кабинет желал распространить подобное выжидательное отношение к Горному Алтаю и на деятельность Переселенческого управления. Об этом свидетельствует решение, принятое на совещании 2 июня 1908 г. в Кабинете. Под предлогом защиты земель инородцев от посягательств со стороны переселенцев было решено временно закрыть Горный Алтай для колонизационных работ [8, л. 7]. Хотя формально Кабинет подтвердил свою позицию, тем не менее переселенческое ведомство в это же время начало проводить предварительную подготовку к возможности использования этого региона в дальнейшем. Статистико-экономическое исследование Горного Алтая, проведенное летом 1908 г. Переселенческим управлением, оценило его колонизационные возможности, за вычетом высокогорных пространств и земель, необходимых для землеустройства местного населения, примерно в 1,5 млн десятин [9, с. 23]. В 1908 г. в северной части Горного Алтая, в междуречье Бии и Катуня, а также по левую сторону Катуня, начались землеотводные работы. К 1909 г. работы подошли к району стойбищ инородцев черневых волостей, а в 1910 г. переселенческая организация при формировании участков уже непосредственно «натолкнулась» на землепользование инородцев [10, с. 87]. Поэтому для Переселенческого управления вопрос о возможной колонизации Горного Алтая оказался связан с находившимся в прерогативе Кабинета землеустройством местного инородческого населения. Для скорейшего получения земель Горного Алтая переселенческая организация должна была поставить коронное ведомство перед необходимостью изменить пассивное отношение к Горному Алтаю.

Первым шагом в этом отношении стали результаты летнего обследования Горного Алтая в 1908 г. Переселенческое управление не только признало необходимость «безотлагательного приступа к землеустройству кочевых инородцев Горного Алтая», но и сделало вывод о возможности полного применения землеустроительного закона к населению региона [8, л. 30об.]. Однако Кабинет, видимо, не желая дополнительно обременять себя землеустройством Горного Алтая, фактически остался на своей позиции. Обсуждая в декабре 1908 г. план землеотводных работ для переселенческого ведомства, Кабинет

признал возможным использование земель Горного Алтая под переселения «лишь попутно с работами по землеустройству проживающих там инородцев» [8, л. 7]. Такое решение, формально не отвергая выводов произведенного летом 1908 г. обследования Горного Алтая, свидетельствовало о неизменной политике Кабинета, не предусматривавшего в ближайшее время начинать землеустройство инородцев. Поэтому А. В. Кривошеин справедливо заметил, что «колонизация Горного Алтая отложена на неопределенное время» [8, л. 7об.]. Таким образом, к концу 1908 г. пассивное отношение Кабинета к Горному Алтаю в основном не было существенно поколеблено начавшейся активностью переселенческого ведомства.

Позиция Переселенческого управления неожиданно получила поддержку со стороны вновь назначенного томского губернатора Н. Л. Гондатти. Он высказал мысль, что принятое решение не несет выгоды ни государству, ни Кабинету, одинаково нарушая земельные и хозяйственные интересы каждой из сторон. В этой связи в апреле 1909 г. А. В. Кривошеин в письме управляющему Кабинетом Н. Д. Оболенскому предложил провести землеустройство Горного Алтая силами переселенческих чинов, фактически совместив эти работы с отводом земель под переселения [8, л. 7об.–8]. Уже 14 мая 1909 г. помощник управляющего Кабинетом Е. Н. Волков проинформировал А. В. Кривошеина, что Кабинет и министр двора выразили принципиальное согласие с этим предложением [8, л. 19–19об.]. На первый взгляд данное решение полностью меняло прежний подход кабинетского ведомства к земельной политике в Горном Алтае, открыв его для общесибирских процессов в изменении земельной сферы. В то же время при ближайшем рассмотрении можно отметить, что согласие ведомства на впуск в Горный Алтай переселенческой организации являлось логическим результатом отсутствия у коронного органа стратегии в отношении этой части округа. Не имея представлений о перспективах развития Горного Алтая, Кабинет воспользовался повышенным интересом переселенческого управления к крупным массивам земель, дополнительно «нагрузив» его землеустроительной функцией, пытаясь таким образом решить за счет государства часть своих задач. Поэтому поворот Кабинета в отношении Горного Алтая весной 1909 г. вряд ли можно расценивать как изменение представлений ведомства о значении этой территории в окружной политике. Попытка совмещения государственных и ведомственных интересов внешне могла казаться победой переселенческого ведомства при минимальных бюрократических усилиях с его стороны и отсутствии последовательного сопротивления со стороны Кабинета.

После принятия принципиального решения о передаче землеустройства инородцев Горного Алтая

Переселенческому управлению Кабинет фактически перестал интересоваться деталями реализации этого решения. Собрание переселенческих и кабинетских руководителей, состоявшееся 30 мая 1909 г., в очередной раз констатировав сложность проведения землеустройства Горного Алтая чинами Кабинета, приняло решение проводить землеустройство его населения силами переселенческой организации «в зависимости от степени готовности его (населения. — П. А., К. П., В. Р.) к переходу в оседлое состояние» [11, л. 32]. Лишь в августе 1909 г. выводы собрания были сообщены начальнику Алтайского округа для принятия процедурных вопросов в Томском губернском управлении [11, л. 29–29об.]. Обсуждение в нем методов реализации принятого предложения продемонстрировало, что ключевой местный орган в процедуре документального оформления землеустройства единственный из всей бюрократической цепочки попытался отметить противоречивость принятого в центральном управлении решения. Основываясь на материалах обследования Горного Алтая летом 1908 г., Томское губернское управление отмечало, что у инородцев «скорее наблюдается состояние перехода от кочевого быта к оседлому», поэтому нельзя их всех считать готовыми к землеустройству. Однако чтобы не противоречить уже принятым центральными властями решениям, губернское управление 7 декабря 1909 г. согласилось с невозможностью чересполосного землеустройства, придя к заключению «устраивать одновременно все кочевое население и не оставляя неустроенной ни одной части населения» [12, л. 2, 4об.]. Формально решение вступало в противоречие с выводами собрания 30 мая 1909 г., однако центральные структуры Кабинета и Переселенческого управления предпочли этого не заметить, чтобы не вносить дополнительных сложностей в принятое весной 1909 г. принципиальное решение об одновременном землеустройстве и колонизации Горного Алтая силами переселенческой организации.

В это же время на рубеже 1909–1910 гг. происходило быстрое изменение земельной политики Кабинета в Алтайском округе. По-видимому, поворот был связан с назначением Е. Н. Волкова на должность управляющего Кабинетом. Новый руководитель ведомства уже в январе 1910 г. заявил о необходимости максимально полного сохранения за Кабинетом всех возможных земель. Позиция Кабинета была подкреплена инициативой из Алтайского округа. В начале января 1910 г. рапортом Алтайского отделения контроля была поставлена проблема качества и содержания землеотводных мероприятий, осуществляемых переселенческими партиями в местностях, непосредственно прилегавших к Горному Алтаю [13, л. 36–38об.]. Документ опирался на экспертные оценки протоколов землеустроительных комиссий, указы-

вавших на ущемление интересов Кабинета. Так, ученым лесничим Кабинета Р. Тонковым и помощником управляющего Бийским именем Гильденгагеном были установлены: стремление переселенческой организации спрямлять границы отводимых земель, выносить унифицированные оценки качеству древонасаждений без подкрепления цифровыми данными, научно не обоснованное отнесение лесопокрытых пространств к категории «пригодных для хлебопашества и сенокосения», хищническая вырубка переселенческими партиями просек вдоль границ кабинетских земель и др. [14, л. 2–7; 9–14]. Опротестовывая решения комиссий, оба эксперта сходились во мнении о сложности верификации лесо- и древопокрытых пространств на предмет возможностей их хозяйственной эксплуатации, в связи с чем оценили уступку земель в предгорной части Алтайского округа убыточной как для Кабинета, так и для дела колонизации («щедрая уступка земель... не создает благополучия переселенцам за непригодностью почвы для русско-го хлебопашца...») [14, л. 13].

Таким образом, к началу 1910 г. Кабинет, оказавшись вооруженным информацией о реализации переселенческого землеотвода в предгорной части Алтайского округа, осознал проблемное место, которое вполне могло проявиться при дальнейшем продвижении переселенческой организации в Горный Алтай. Поэтому руководству округа срочно было указано на многочисленные факты нарушения процедуры передачи земель под переселения, а также связанные с этим ущемления экономических интересов Кабинета. Одновременно перед местными чинами ставилась задача поиска путей выхода из кризиса и «противостояния» переселенческой организации в Горном Алтае [13, л. 60–60об.].

Первым шагом, предпринятым местными властями, явилась мотивированная задержка передачи уже переданных под колонизацию земель. В марте 1910 г. руководство округа «без нарушения существенных интересов Кабинета» из запрашиваемых местной переселенческой организацией 800 тыс. дес. в Бийском, Кузнецком и Змеиногорском уездах передало лишь 13 тыс. дес. кедровой гари в Кузнецком уезде. Остальные земли как содержавшие ценные лесные массивы объявлялись значимыми для будущей эксплуатации округом [2, с. 19; 5, с. 82; 12, л. 23об., 27]. Эти действия не нарушали указ 19 сентября 1906 г., предоставлявшего земли Алтайского округа под переселения, поскольку в третьей его статье четко обозначались данные категории земель как не подлежащие передаче под колонизацию [15, с. 54].

Возникшая ситуация явилась толчком к изменению отношения Кабинета к землям Горного Алтая. Чтобы не утратить контроль над ситуацией и получить время для анализа владений в Горном Алтае, Кабинет с весны 1910 г. перешел к затягиванию ре-

ализации землеустройства инородческого населения силами переселенческого ведомства. В начале мая 1910 г. Е.Н. Волков обратился к аргументации, до этого использовавшейся Томским губернским управлением. Руководитель Кабинета обратил внимание на неоднозначность всеобщего землеустройства инородцев, связав это с противоречивыми выводами обследования Горного Алтая в 1908 г. Поэтому он информировал А.В. Кривошеина о своем намерении отправки в Горный Алтай «особой экспедиции для обследования земельных, лесных и горных имуществ Кабинета его величества в этом крае». Формально не отменяя ранее принятое решение, Е.Н. Волков прямо указал на то, что в 1910 г. «не представляется возможности приступить к производству этих работ». Дополнительным аргументом, внешне свидетельствующим об отсутствии ведомственной заинтересованности, стало указание на поддержку томским губернатором предполагаемого нового обследования Горного Алтая [12, л. 45–45об.].

Исследование Горного Алтая чинами Кабинета, организация которого началась в конце апреля, было осуществлено новым начальником Алтайского округа В.П. Михайловым, прибывшим в Алтайский округ. Подчеркивая, что долгое время Кабинет «проявлял очень мало интереса, оставаясь номинальным владельцем Горного Алтая», В.П. Михайлов отчасти увидел влияние этого невнимания на результаты исследования 1908 г., выразившиеся в том, что они «являются априорными лишь предположениями исследователей». Поэтому В.П. Михайлов поставил задачу вновь выяснить возможность землеустройства всего населения Горного Алтая [16, л. 2–3]. По результатам полуторамесячного пребывания в Горном Алтае летом 1910 г. начальник округа сделал вывод о готовности инородцев к землеустройству по крестьянской норме [10, с. 222]. Дореволюционные общественные деятели, а затем и советские историки негативно оценили проведенное исследование, ставшее, по мнению Г.П. Жидкова, хорошо разыгранным «бюрократическим фарсом» с заранее известным решением [1, с. 202; 17, л. 1]. Но нужно иметь в виду, что тезис, заявленный В.П. Михайловым, в менее категоричной форме был установлен Переселенческим управлением еще в 1908 г. и был аргументом при принятии решений о Горном Алтае весной 1909 г. В быстро менявшихся условиях хозяйственной деятельности в Алтайском округе летом 1910 г. подтверждение прежнего вывода о готовности Горного Алтая к землеустройству было использовано уже в интересах Кабинета. К тому же обследование В.П. Михайлова имело стратегическое значение для ведомства, позволив установить площадь территориального массива в Горном Алтае [10, с. 220–224].

Последовавшая в конце августа 1910 г. постановка перед П.А. Столыпиным и А.В. Кривошеиным про-

блемы закрытия Алтайского округа для дальнейших переселений стала апогеем всей деятельности нового тандема Е.Н. Волкова — В.П. Михайлова по напористой защите земельных интересов Кабинета с весны 1910 г. [18, с. 110–111]. В условиях давления со стороны кабинетского ведомства проблема Горного Алтая поначалу отошла на задний план как частный случай. Однако уже в декабре 1910 г. министр императорского двора выразил категоричное мнение, что «дальнейшая колонизация Горного Алтая без предварительного обследования и землеустройства инородцев признается совершенно невозможной и могущей внести нецелесообразное использование земель горной страны». В качестве доказательств министр привел весь опыт полевого сезона 1910 г., когда образование участков сопровождалось даже в предгорьях Алтая «замежеванием ценных лесов, рек и землепользования неустроенного населения». Таким образом, этот отзыв фактически дезавуировал принятые в 1909 г. решения о привлечении переселенческого ведомства в Горный Алтай. В связи с этим министр дополнительно связал проблему Горного Алтая с колонизацией всего округа, указав на необходимость приостановки работ по образованию переселенческих участков на всей территории Алтайского округа вплоть до проведения землеустройства Горного Алтая, намеченного на 1911 г. [12, л. 125–125об.].

Совмещение приостановки колонизации округа и землеустройства Горного Алтая министр, очевидно, сделал намеренно. Понимая, что приостановка указа от 19 сентября 1906 г. вряд ли будет возможна, В.Б. Фредерикс превратил Горный Алтай в своеобразную разменную монету. Принимая отказ от приостановки переселений в округ, Кабинет взамен возвращал себе свободу действий в Горном Алтае. Последовавший вскоре ответ А.В. Кривошеина полностью подтвердил избранный ход: согласие с приостановкой деятельности переселенческой организации в Горном Алтае сопровождалось констатацией дальнейшей колонизационной деятельности в Алтайском округе «в Кузнецком и Змеиногорском уездах на тех площадях, которые укажет управление округа» [12, л. 128–129]. В конце января 1911 г. эти решения формально были закреплены в отмене приостановки землеустройства Горного Алтая и его начале силами Кабинета [19, л. 178]. Ведомство вернуло себе исключительное право распоряжения этими землями.

Таким образом, Горный Алтай как локальная территория в пределах Алтайского округа в начале XX в. явился ареной противостояния государственной и коронной структур. Переселенческое управление, выступив с притязаниями на колонизацию Горного Алтая, поначалу сумело одержать быструю победу, воспользовавшись отсутствием у Кабинета четкой хозяйственной стратегии в отношении пространств Горного Алтая. Но найти действенный инструмент для реали-

зации государственной задачи по формированию колониционного фонда в данной части Алтая переселенческое ведомство не успело, поскольку с 1910 г. Кабинет решительно встал на защиту собственных экономических интересов в регионе. В рамках этого процесса продвижение переселенческого ведомства на территорию Горного Алтая, слабо изученную Кабинетом, выдвинуло эти пространства в один из ключевых районов противостояния двух структур. Кабинет был вынужден ускорить поиск оптимальных механизмов для охраны интересов коронованного владельца в регионе. Примечательно, что как переселенческая организация в 1908 г., так и Кабинет в 1910 г. в качестве главного аргумента применили механизм обследования спорной территории. Похожие выводы, использованные для различных целей, и различные интерпретации полученных выводов даже в рамках принятия одного решения в 1909 г. свидетельство-

вали, что данный механизм не является абсолютным в интеграции Горного Алтая в хозяйственную политику одного из ведомств. Поэтому окончательная роль отводилась традиционным бюрократическим механизмам межведомственного согласования. Однако только сочетание бюрократического и исследовательского механизмов позволило Кабинету актуализировать сложность земельного вопроса в Горном Алтае на фоне реализации землеустройства и колонизации, заполнить информационный вакуум в отношении этой территории. Действия Кабинета в отношении Горного Алтая в 1908–1910 гг. демонстрируют эволюцию использования одинаковых механизмов, в зависимости от ситуации прошедших от полного разрешения через пробуксовку частных случаев передачи земельного фонда Переселенческому управлению к закреплению за Кабинетом права на осуществление землеустроительных мероприятий в Горном Алтае.

Библиографический список

1. Жидков Г.П. Кабинетское землевладение (1747–1917 гг.). — Новосибирск, 1973.
2. Скляр Л.Ф. Создание колониционного земельного фонда на свободных государственных и кабинетских землях Сибири в 1907–1914 гг. // Вопросы истории Сибири. — Л., 1961.
3. Афанасьев П.А. Состояние и перспективы развития экономики Алтайского округа в начале XX в. (по материалам кабинетских ревизий) // Экономическая история Сибири XX века. — Барнаул, 2006. — Ч. 1.
4. Эксплуатация природных ресурсов Алтая имперским Кабинетом как фактор развития российской монархии (XVIII — начало XX в) / Т.Н. Соболева, П.А. Афанасьев, А.Е. Кухаренко, Д.С. Бобров. — Барнаул, 2012.
5. Афанасьев П.А., Пожарская К.А. Формирование колониционного фонда Алтайского округа как фактор изменения земельной политики Кабинета Его Императорского Величества в регионе // Экономическая история Сибири XX — начала XXI века. — Барнаул, 2009.
6. Афанасьев П.А. Противодействие «новому курсу» земельной политики Кабинета Его Императорского Величества в Алтайском округе в начале 1910-х годов // Исторический ежегодник. 2013. — Новосибирск, 2013.
7. Афанасьев П.А. Роль ревизии Алтайского округа 1907 г. в региональной хозяйственной политике Кабинета // Экономическая история Сибири XX — начала XXI века. — Барнаул, 2009.
8. Российский государственный исторический архив (РГИА). — Ф. 391. — Оп. 3. — Д. 1316.
9. Краткий исторический очерк колонизации Томской губернии. — Томск, 1911.
10. Отчет начальника Алтайского округа действительного статского советника В.П. Михайлова по ознакомлению с Горным Алтаем в лето 1910 г. — Барнаул, 1910.
11. Государственный архив Алтайского края (ГААК). — Ф. 4. — Оп. 1. — Д. 3144.
12. РГИА. — Ф. 391. — Оп. 3. — Д. 1317.
13. РГИА. — Ф. 468. — Оп. 27. — Д. 1026.
14. РГИА. — Ф. 468. — Оп. 44. — Д. 738.
15. Сборник законов и распоряжений по переселенческому делу и по поземельному устройству в губерниях и областях Азиатской России (по 1 августа 1909 г.). — СПб., 1909.
16. РГИА. — Ф. 468. — Оп. 27. — Д. 1251.
17. ГААК. — Ф. 29. — Оп. 1. — Д. 420.
18. Пожарская К.А. Конфликт интересов государства и Кабинета в оценке начальника Алтайского округа В.П. Михайлова (1910 г.) // Актуальные вопросы истории Сибири. Девятое научное чтение памяти профессора А.П. Бородавкина. — Барнаул, 2013.
19. ГААК. — Ф. 4. — Оп. 1. — Д. 3098.